

УДК 343.979

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-30-34

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)¹

ШКАРЕВСКИЙ Денис Николаевич*

✉ shkarden@mail.ru

Пр. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия

Аннотация. Преступность среди коренных малочисленных народов Севера и деятельность национальных судов в северных районах Западной Сибири привлекают все большее внимание исследователей. Данная статья основана на неопубликованных архивных материалах. В ней рассматриваются характерные особенности преступности среди коренного населения во второй половине 1920-х гг. на примере современной территории ХМАО–Югры. Автор приходит к выводу, что в указанный период на данной территории преобладали две группы преступлений: против государственного управления и против семьи.

Ключевые слова: уровень преступности, структура преступности, детерминанты преступности, преступность коренных малочисленных народов Севера.

A Historical and Legal Analysis of Certain Types of Crimes Among the Native People of the North in the Second Half of the 1920's (on the Example of the Modern Territory of the KMAO–Yugra)²

Shkarevskij Denis N.**

✉ shkarden@mail.ru

1 Lenina pr., Surgut, 628412, Russia

Abstract. The crime among the native people of the North and the activities of national courts in the northern regions of Western Siberia are attracting increasing attention from researchers. This article is based on unpublished archival materials. The purpose of the article is to highlight the characteristic features of crime among the native population in the second half of the 1920's on the example of the modern territory of the KMAO–Yugra. The author comes to the conclusion that in the mentioned period and territory two main groups of crimes dominated: against the government and family.

Keywords: crime rate, crime structure, crime determinants, crime of the indigenous small of the North.

На сегодняшний день положение коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) привлекает все большее внимание исследователей. Однако некоторые вопросы остаются мало изученными или вовсе не исследованными. На-

пример, вопрос преступности среди данной категории населения. В последнее время появились специальные исследования об особенностях судоустройства и судопроизводства КМНС в 1920–1930-е гг., однако они мало описывают

* Доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

** Docent of the Department of Theory and History of State and Law at Surgut State University, Candidate of Historical Sciences.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012.

² The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, grant № 18-49-860012.

преступность среди представителей народов ханты и манси [2, 4, 5].

Современная преступность среди КМНС достаточно активно исследуется [1, 3]. Однако исторические аспекты данного явления остаются по-прежнему мало изучены. Отсутствуют работы о преступности во второй половине 1920-х гг. среди КМНС, проживающих на современной территории ХМАО–Югры.

В рассматриваемый период в связи с организацией туземных судов органы власти проявили пристальное внимание к уровню и видам преступности среди КМНС. Так, в июне 1926 г. временно исполняющий обязанности старшего помощника прокурора Уральской области по Тобольскому округу Урвачев докладывал прокурору Уральской области о том, что «вопросом о бытовых преступлениях на Севере до настоящего момента никто не интересовался и что отдельных данных как у Комитета Севера, у окружных органов, так и у отдельных лиц не имеется, но... бытовые преступления имеют место на Тобольском Севере»³.

Среди подобных «бытовых преступлений» Урвачев выделял следующие. Прежде всего «уплата калыма (выкуп за невесту)», т. е. выплата «по обычаям туземного населения женихом родителям или родичам невесты скотом, деньгами и устанавливающая против ее воли обязательство выдать невесту замуж за этого жениха». Назывались и такие преступления, как: «двоеженство и многоженство», «похищение женщины, достигшей брачной зрелости, для вступления с нею в брак против ее воли»; «вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости и принуждение к заключению такового брака со стороны родителей, опекунов или родственников».

Также выделялись «лишение свободы женщины с целью принуждения к сожительству (умыкание), причем в отдельных случаях имело место сопровождение с изнасилованием женщины». Были отмечены случаи левирата, т. е. «передача (т. н. наследственная) женщины после смерти мужа одному из братьев умершего или его родственникам (в отсутствие братьев) против ее и его (по обычному праву) воли»⁴.

При этом указывалось, что была составлена программа изучения бытовых преступлений

на Тобольском Севере и было дано поручение семи научным экспедициям собрать материалы по этому вопросу и систематизировать собранные материалы по сельсоветам и районам. Отмечу, что вышеназванная программа была составлена на основе киргизского обычного права с выделением таких видов преступлений, как:

1) «принятие куна», т. е. «имущественного вознаграждения, уплачиваемого убийцей или его родом родичам убитого в качестве выкупа, освобождающего от мести и наказания»;

2) «бармта (баранта)», которая описывалась не как возмездие за причиненный ущерб или принуждение к этому, а как «самовольное взятие скота или другого имущества с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение похитителю или его родичам за нанесенную им обиду или вознаградить их за причиненный материальный ущерб». В том числе выделялись бармнта вооруженная и совершаемая родом;

3) группа преступлений против семьи: уплата калыма, принуждение женщины к выходу замуж, двоеженство, многоженство и др.

Отмечалась также необходимость внести в Уголовный кодекс РСФСР поправки, которые касались бы бытовых преступлений на Тобольском севере.

Наибольшее беспокойство властей вызывал такой вид «бытовых преступлений», как уплата калыма. Дело в том, что местное население в заключении брака видело сделку: «Без калыма ничего не будет... Туземец покупает себе невесту, предположим, за 25 оленей. Невеста к нему приходит, принося из отцовского чума предметы обихода, иногда целый чум. Выходит, возвращается часть ценностей, затрачиваемых женихом на покупку невесты, к нему обратно. Кроме этого, родители невесты обязаны снабжать свою дочь из года в год одеждой и обувью; у мужа об этом нет никакой заботы. Таким образом, в чум к мужу ежегодно возвращаются ценности в виде одежды и обуви... Калым жениху всегда обратно возвращается»⁵. Таким образом, в калыме местное население видело залог устойчивого материального обеспечения семьи.

Советская власть же в этом явлении видела препятствие к заключению браков для малообеспеченных граждан и угрозу для естественного демографического прироста местного населения.

³ Бюджетное учреждение Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (далее – БУ ГАТО). Ф. 200. Оп. 1. Д. 71. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 15(об.).

⁵ Там же. Л. 48.

Таким образом, борьба с калымом являлась одной из приоритетных политических задач советского государства, поэтому данная традиция была отнесена к категории уголовных преступлений. Прокурор 3-го участка Тобольской окружной прокуратуры Кошуков отмечал, что «дача калыма связана с насильственной выдачей замуж. Здесь проходит... торговля женщинами, ибо среди туземцев наблюдается поговорка “кто дороже – тот милее”. Результат от этого получается таков, что жених, уплативший бешенные деньги за невесту... и... она от него убегает или ее крадут, он остается совершенно разоренным»⁶.

Еще один вид деятельности, который власти рассматривали как бытовое преступление и который вызывал большое беспокойство местной администрации, – шаманство. Шаманы пользовались большим авторитетом у местного населения, во многом вследствие того, что были грамотны. Однако они не всегда сотрудничали с советской администрацией.

Например, шаман Возелов объявил себя «живым Богом» и обложил остяков Березовского района податями (ясак) и повинностями (подводная), допускал антисоветские высказывания («советская власть будет еще два года, а потом будет царь и Корнилов»). Он же сорвал перевыборы Совета в Елисейгортских юртах, так как «заставил всех остяков этих юрт поехать на святое место молиться»⁷. Таким образом, советская власть видела угрозу с их стороны.

Прокурор Кошуков выделял три категории шаманов: мелких, средних и крупных-старших шаманов. К мелким, или младшим, шаманам он относил ворожей, которых туземцы приглашают во время болезни и которые работают бесплатно. Вероятно, к ним он отнес непрофессиональных шаманов («шаманов-любителей»), у которых были иные источники доходов. Он считал их инициаторами

жертвоприношений. Причем, отмечал, что они предварительно договаривались с собственником животного и требовали приобрести для жертвоприношения именно это животное, которое приобреталось по завышенной цене. Позже полученные деньги делились между шаманом и продавцом.

К средним он относил шаманов, которые «разъезжают среди туземцев для ворожбы и требуют за это уплату». Таким образом, к этой группе были отнесены «шаманы-профессионалы», у которых не было других источников дохода. Он отмечал, что в качестве платы за свою деятельность, нередко даже путем угроз, они получали животных (лошадей, коров, оленей) или «женщину для удовлетворения своей половой страсти».

К отличительному признаку крупных, или старших, шаманов он относил организацию ими «сборов туземцев в определенных местах. Эти сборы достигают нескольких сот человек и на них затрачиваются десятки тысяч рублей. Этот шаман является главой и обирает туземцев, не стесняясь»⁸.

Среди «бытовых преступлений» выделялась также отдельная категория так называемых батрацких дел. Дела данной категории условно были разделены на четыре группы. К первой были отнесены «дела чистого батрачества», «т. е. когда добытый промысел идет полностью нанимателю, а батрак получает известное вознаграждение за свой труд». Ко второй группе – дела, по которым «наниматель дает нанявшемуся одежду и небольшой гонорар за годовичную работу, причем добываемый нанявшимся промысел делится пополам». К третьей группе были отнесены «случаи содружества, не обусловленные никакими обязательствами», а к четвертой – случаи «содружества для выпаса оленей»⁹.

Получить статистические данные о преступности среди коренного населения прокуратуре удалось только по Березовскому району¹⁰ (табл. 1).

Таблица 1

Общие сведения о преступлениях среди туземцев по отношению к русским¹¹

Год	Количество дел		% соотношения	% от 1926 г.	Примечание
	Общее	Среди туземцев			
1926	167	57	34,1%	100%	
1927	270	50	18,5%	87,7%	
1928	105	52	49,5%	91,2%	За 1928 г. общее указано за 6 мес., а туземное – за 9 мес.

⁶ БУ ГАТО. Д. 105. Л. 25(об.).

⁷ Там же. Д. 71. Л. 49.

⁸ Там же. Д. 105. Л. 25–25(об.).

⁹ Там же. Д. 125. Л. 87.

¹⁰ Там же. Д. 112. Л. 224.

¹¹ Там же. Л. 220, 222.

По неполным данным прокуратуры (без учета преступлений, совершенных кочевым населением), преступность среди местного населения в течение 1926–1928 гг. имела следующую динамику, отраженную в таблице 2.

Наблюдалось увеличение количества таких видов преступлений, как: хулиганство; против порядка управления; против личности; нанесение тяжелых телесных повреждений; убийство.

Специфика местной преступности объяснялась «бытовым укладом» и ее «распространением среди оседлого полуобрусевшего населения». Неравномерная доля преступлений местного населения по отношению к общему их количеству объясняли «приближением суда к туземцам, в силу чего последние стали обращаться к судебной правовой защите и усиленной деятельности милиционеров по раскрытию преступности»¹³.

Прогнозировалось также увеличение количества преступлений среди туземного кочево-

го населения в результате формирования и деятельности родовых судов, так как до этого значительное их количество не учитывалось органами власти. Учитывались лишь тяжкие преступления (например, убийство), совершенные представителями данной категории населения¹⁴.

Местная прокуратура отмечала, что работа по борьбе с преступлениями, «составляющими пережитки родового быта... не получила своего развития. Что имеет на этот счет в своем распоряжении Тобольская окружная прокуратура? Кроме бесчисленного множества различного рода схем, опросников, программ, рассчитанных на изучение туземного обычного права вообще, а также видов обычной преступности... пока ничего существенного нет». Указывалось, что «преступность среди северян не имеет надлежащего учета и опыт в борьбе с ней... чрезвычайно незначителен»¹⁵.

Таблица 2

Анализ статистического материала, имеющегося в прокуратуре и характеризующего состояние преступности на Севере¹²

Преступление	Преступность среди местного населения						Всего дел
	1926 г.		1927 г.		1928 г.		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Хулиганство (ст. 74 УК)	–	–	3	300	4	400	7
Приготовление спиртных напитков (ст.ст. 101–104 УК)	11	100	2	18	–	–	13
Хищение и истребление леса (ст. 85 УК)	–	–	–	–	–	–	–
Против порядка управления (ст.ст. 60–71, 86–100, 105 УК)	3	100	4	133	5	166	12
Растрата и присвоение (ст. 113 УК)	–	–	1	100	–	–	1
Тяжелые телесные повреждения (ст.ст. 142, 143, 144, 150 УК)	3	100	8	266	3	100	14
Убийство (ст.ст. 136–139 УК)	2	100	1	50	2	100	5
Половые преступления (ст.ст. 151–154 УК)	6	100	–	–	2	33	8
Против личности (ст.ст. 140, 141, 145–149, 156–161 УК)	7	100	18	257	21	300	46
Грабеж и разбой (ст. 65 УК)	–	–	–	–	1	100	1
Кража простая (пп. «Г», «Д», «Е» ст. 180 УК)	13	100	6	46,1	7	53,8	26
Имущественные преступления (ст.ст. 164, 168–175 УК)	11	100	6	54,5	6	54,5	23
Нарушение правил охраны народного здоровья, общественной безопасности и публичного порядка (ст.ст. 179–192 УК)	1	100	1	100	1	100	3
Итого	57	100	50	87,7	52	91,2	159

¹² БУ ГАТО. Д. 124. Л. 129(об.)–130.

¹³ Там же. Д. 112. Л. 221.

¹⁴ Там же. Л. 223, 225.

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы. Достаточно четко выделяются две основных группы преступлений, характерных для Тобольского севера: преступления против государственного управления (например, шаманство, «батрацкие дела»), которые имели политический подтекст, и преступления против семьи, связанные с соблюдением разного рода традиций (например, уплата калыма).

К сожалению, у представителей местных органов власти и правоохранительных органов отсутствовало четкое понимания того, какие действия относить к категории так называемых бытовых преступлений. Их список, обсуждаемый на совещаниях различного уровня, нередко отличался, причем существенно.

Отмечу, что основную причину преступности среди коренного населения представители власти видели в распространении алкогольной продукции. Делалось это «разного рода шинкарями и прасолами» несмотря на «категорическое вос-

прещение законом». Причем сбывалось спиртное «на кабальных условиях для туземцев»¹⁶.

Деятельность по снижению уровня преступности среди КМНС во второй половине 1920-х гг. со стороны органов советской власти представляется совершенно недостаточной. Власти и правоохранительные органы плохо знали ситуацию на местах и особенности обычного права местного населения, поэтому часто использовали опыт среднеазиатских органов власти. Однако следует признать, что в тех условиях представители органов власти, пожалуй, сделали максимум возможного. Сотрудники, занимавшиеся данными проблемами, не обладали достаточной теоретической и практической подготовкой для анализа и обобщения имеющихся сведений об обычном праве и особенностях преступлений среди КМНС. Кроме того, у них отсутствовали репрезентативные данные о количестве и динамике преступлений на исследуемой территории.

Список литературы

1. Киселева Т. В. Преступность и ее факторы в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Приамурья // *Власть и управление на Востоке России*. 2011. № 2. С. 174–180.
2. Козинцев А. Я. Туземное правосудие на Тобольском Севере в первой четверти XX века // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2014. № 1 (29). С. 16–21.
3. Трубицын Д. А. Криминологическая характеристика женской преступности коренных малочисленных народов крайнего Севера (на примере ЯНАО) // *Право и политика*. 2015. № 12. С. 1736–1741.
4. Шкаревский Д. Н. Формирование и деятельность кочевых общественных судов на территории ХМАО–Югры в 1930-е гг. // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 8 (164). С. 21–26.
5. Шкаревский Д. Н., Козинцев А. Я. Деятельность туземных общественных судов на современной территории ХМАО–Югры в 1920-е гг. // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 7 (163). С. 54–59.

References

1. Kiselyova T. V. Prestupnost' i ee faktory v mestakh kompaktnogo prozhivaniya korennykh malochislennykh narodov Priamur'ya [Crime and Its Factors in the Places of Compact Living of Indigenous Population in the Amur Territory]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – The Power and Administration in the East of Russia*, 2011, no. 2, pp. 174–180.
2. Kozincev A. Ya. Tuzemnoe pravosudie na Tobol'skom Severe v pervoi chetverti XX veka [Aboriginal Justice at the Tobolsk North in the First Quarter of the XX-th Century]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura – The Northern Region: Science, Education, Culture*, 2014, no. 1 (29), pp. 16–21.
3. Trubitsyn D. A. Kriminologicheskaya kharakteristika zhenskoi prestupnosti ko-rennykh malochislennykh narodov krainego Severa (na primere YaNAO) [Criminological characterization of female criminality among the indigenous ethnic groups of the Far North (on the example of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. *Pravo i politika – Law and Politics*, 2015, no. 12, pp. 1736–1741.
4. Shkarevskij D. N. Formirovanie i deyatel'nost' kochevykh obshchestvennykh sudov na territorii KhMAO–Yugry v 1930-e gg. [Formation and Activities of Nomadic Public Courts on the Territory of Khanty-Mansiysk Autonomous District – Yugra in 1930s]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*, 2018, no. 8 (164), pp. 21–26.
5. Shkarevskij D. N., Kozincev A. Ya. Deyatel'nost' tuzemnykh obshchestvennykh sudov na sovremennoi territorii KhMAO–Yugry v 1920-e gg. [Activity of Native Public Courts on the Modern Territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Yugra in 1920s]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*, 2018, no. 7 (163), pp. 54–59.

¹⁵ БУ ГАТО. Д. 124. Л. 129–129(об.).

¹⁶ Там же. Л. 130(об.).